

„Русское Слово“, гор. Москва.
1910, 14 февраля.

ДВѢ СМЕРТИ.

Ландышъ русской сцены.

Сорванъ ландышъ, бѣлый ландышъ, чистый ландышъ, чашечка котораго была полна, какъ слезой, утренней росой.

Отлетѣла Коммиссаржевская.

Что-то чистое исчезло съ русской сцены.

Она пришла:

— Съ веселой пѣсней.

Вошла на сцену гдѣ-то въ Новочеркасскѣ, въ водевилѣ, съ бойкимъ куплетомъ, веселымъ гололомъ, — но съ часъ же задумалась и задумчиво, съ большими глазами, полными слезъ, прошла передъ нами по сценѣ.

На могилѣ не будемъ преувеличивать. Ни спорить.

Смерть почтимъ правдой.

Почтимъ искренностью.

У нея не было большого изобразительнаго таланта.

Единственнаго условія, при которомъ человекъ чувствуетъ себя на сценѣ на мѣстѣ.

Не ея слово, не мимика, не жестъ — производили впечатлѣнїе.

Неотразимое, незабываемое впечатлѣнїе оставляли ея глаза, ея взглядъ, полный:

— Внутренняго, невысказаннаго страданія.

За тѣмъ, немногимъ, что она изображала на сценѣ, чувствовалась еще куда болѣе глубокая пропасть неизображеннаго предъ нами горя.

Она принесла на сцену безмолвную повѣсть невысказаннаго страданія, невыплаканныхъ слезъ.

Она играла и веселыя роли.

Но и онѣ у нея были подернуты какой-то скрытой печалью.

Словно веселые цвѣты, — прѣ которые вы знаете, что они завтра будутъ сорваны и положены на чью-то могилу.

Въ драмѣ она была лирическимъ поэтомъ.

Отсюда, быть-можетъ, и ея метанья по сценѣ.

И ея попки искусства:

— Для нея!

Ея киданья изъ стороны въ сторону.

Отъ Островскаго къ Мейерхольду.

И ея отчаянїе:

— Я оставляю сцену.

Что остается послѣ нея?

Ничего, что остается послѣ актера.

Ни слова, ни жеста, ни даже штонапїи.

Одинъ только запавшїй глубоко въ душу взглядъ большихъ глазъ, полныхъ слезами.

Невыплаканными слезами и высказаннаго страданія.

Настоящаго, «истинно-русскаго», страданія.

Именно того, котораго такъ много въ нашей печальной странѣ.

Маленькїй холмикъ могилы Коммиссаржевской долженъ былъ бы быть на фонѣ левитановскаго пейзажа.

Печальнаго, тихаго, роднаго и прекраснаго.

Вмѣсто панихиды надъ этой могилой, — хотѣлось бы прочесть что-нибудь чеховское.

Ясное и грустное.

Рукой костлявой смерть сорвала бѣлый ландышъ, чистый ландышъ.

И слезинкой упала на землю капля еще утренней росы.